

© Le Ver à Soie, Virginie Symaniec éditrice, 2013
© Виктор Храпунов, 2013
Иллюстрация обложки : © Simon Holzman
ISBN : 979-10-92364-09-5

Виктор Храпунов

Я обвиняю!

О диктатуре Нурсултана Назарбаева

Le Ver à Soie
Virginie Symaniec éditrice

Я обвиняю!

О диктатуре Нурсултана Назарбаева

Почему я написал эту книгу

Еще несколько лет назад я был преуспевающим казахстанским государственным деятелем, пользовался уважением коллег и населения. Сегодня я подвергаюсь угрозам со стороны власти, которой я слишком долго служил, из-за чего вынужден жить за пределами страны.

Это тем более обидно, что я посвятил всю свою жизнь работе на благо своей страны, несмотря на нарастающее разочарование, причиной которого стали авторитарные наклонности главы государства, Нурсултана Назарбаева, и аппетиты его семьи, постепенно присвоившей огромные богатства Казахстана. Будучи специалистом в области энергетики и хорошим управленцем, я надеялся, что сумею, на своем уровне, преградить дорогу незаконному грабежу и хоть немного улучшить жизнь населения. Я был настолько наивен, что намеревался даже принять предложение президента и стать премьер-министром, чтобы вычистить Авиговы конюшни, в которые превратились высшие эшелоны казахстанского руководства. Понадобилось множество внушавших тревогу событий, в частности убийства двух видных деятелей, осмелившихся поднять голос против режима, чтобы у меня раскрылись глаза.

Нурсултан Назарбаев это почувствовал. Всего за несколько лет я стал нежелательным элементом. Брак моего сына с дочерью опального олигарха Мухтара Аблязова, которого Назарбаевым обя-

вил преступником, ситуацию не улучшил. В 2007 году я оставил все свои официальные посты, покинул Казахстан и обосновался в Швейцарии. Когда президент узнал, что у меня нет намерения ни возвращаться, ни вымаливать прощение у его ног, на меня, мою жену Лейлу, наших родителей и детей, а также на других родственников обрушились гонения. Прокуратура Казахстана выдвинула против моей семьи два десятка совершенно абсурдных обвинений, а в официальной прессе нас именовали организованной преступной группой.

С момента прибытия в Швейцарию я и вся моя семья подвергаемся психологической пытке. Нужно понимать главное: я никогда не занимался политикой в том понимании, которое принято в европейских и других цивилизованных странах. На всех своих постах – мэра Алматы¹, министра энергетики, губернатора, затем главы Министерства чрезвычайных ситуаций – я был управляющим высокого ранга, который работает на благо своих сограждан. Внезапное обвинение меня в преступлениях, через столько лет после моего отъезда из страны, является унижением моего достоинства, попыткой очернить и вычеркнуть меня из истории моей страны.

Что делать в подобной ситуации? У меня нет никакой надежды защитить себя в суде: в Казахстане не существует независимого правосудия. Поэтому я выбрал контратаку. На протяжении почти двух десятилетий истории Республики Казахстан я находился во властных структурах и стал свидетелем гнусных преступлений режима, начиная с использованных властью механизмов «приватизации» страны. Именно об этом я в течение двух лет рассказывал в многочисленных интервью международной прессе и статьях, выложенных на моем сайте на четырех языках².

Кроме того, я думаю, что пришло время подвести итоги моей бурной жизни, разнообразные события которой вплетены в новейшую историю Казахстана, защитить свою честь и деятельность на благо народа Казахстана. Эта автобиография дает мне

¹ В советский период город назывался Алма-Ата, но для простоты я использую его нынешнее название, Алматы.

² См. <http://www.viktor-khrapunov.com/fr/>

также возможность выступить с обвинительным актом против «феномена Назарбаева», который, несмотря на коррупцию и авторитаризм, пользуется международным престижем.

Одинокий воин, я выступаю против мощной структуры, которая обладает огромными средствами и имеет множество соучастников. Я не помышляю о победе над ней, я надеюсь просто быть услышанным. Как и любая диктатура, диктаторский режим в Казахстане не вечен, и, если мой скромный голос рано или поздно внесет свой вклад в его падение, я буду считать свою задачу выполненной.

I

Казахстанское детство

Как объяснить, почему я, русский человек, так привязан к своей родине, Казахстану? Возможно, просто потому, что я родился, вырос и прожил большую часть жизни в этой стране с суровым климатом и душевными людьми, самой интернационалистской стране на всем постсоветском пространстве.

В Казахстане жило не одно поколение моей семьи. Мои предки с материнской стороны прибыли туда в начале двадцатого века в связи с аграрной реформой Столыпина, которая облегчила получение земельных участков для крестьян, готовых переехать в Сибирь и другие приграничные районы империи. Что же касается моего деда по отцовской линии, Алексея, принадлежавшего к графскому роду и владевшего имением под Пермью, на Урале, то его семья, включая жену Елену и пятерых детей, после большевистской революции решила бежать в Китай, спасаясь от красного террора. Когда до вожденной границы с Китаем оставалось каких-то 300 километров, все члены семьи, заболев тифом, застряли на востоке Казахстана. С тех пор жена деда и пятеро их детей больше о нем никогда не слышали. Что с ним стало? Еще долгие годы мои родители тешили себя надеждой, что в один прекрасный день он вернется в Казахстан...

Мой отец, младший из пятерых детей, жил со своей матерью вплоть до ее кончины, незадолго до начала Второй мировой войны. В 1940 году он участвовал в войне с Финляндией, а затем воевал с фашистами. В 1943 году, во время страшной Сталинградской битвы, был тяжело ранен, прикрывая с пулеметом отход своей части. Вернувшись домой инвалидом, он встретил мою будущую маму, семнадцатилетнюю сироту, отец которой, в прошлом офицер царской армии, был расстрелян во время сталинских чисток.

Нас было семеро братьев и сестер; у наших родителей, скромных служащих, жизнь была нелегкой. Мой отец, бухгалтер, возглавлял контрольную комиссию Глубоковского райкома партии на востоке Казахстана, а мама работала в одном из подразделений Министерства заготовок. В 1951 году, когда мне было три года, отец был арестован за принадлежность к кружку людей, размышлявших на политические темы. Как пишет Василий Гроссман в романе «Жизнь и судьба»: люди, прошедшие войну, стремились сделать свою страну более свободной, но сталинский режим быстро положил конец всякой интеллектуальной деятельности, не подчиненной партийному контролю. После судебного процесса, который оставил гнетущий след в моей детской памяти, отец был приговорен к двенадцати годам лагерей строгого режима. Я помню, как прощались мои родители после объявления приговора, как увели отца, как утащили в соседнюю комнату маму и я несколько минут ждал ее в пустом зале суда, где стояли три стула с высокими спинками – для судей.

Мать осталась с нами одна, а поскольку она часто работала до поздней ночи (Сталин по ночам бодрствовал, и всем чиновникам приходилось следовать его примеру), мы в это время были предоставлены сами себе. Вот так однажды, в возрасте четырех лет, когда мы с моим восьмилетним братом и шестилетней сестрой оставались одни дома, я, забавляясь, поджег газету. Огонь перекинулся на лежащий на полу матрас. Мы начали задыхаться от дыма, но сде-

лать ничего было нельзя: уходя на работу, мать запирала дверь на ключ. Брат попытался отнести горящий матрас в другую комнату и получил сильные ожоги. К счастью, соседи вовремя вызвали пожарных: мы все втроем были уже без сознания. Нас спасли, но врачам пришлось ампутировать брату правую руку...

Смерть Сталина в 1953 году изменила положение в стране. Сотни тысяч заключенных освободились из лагерей и были реабилитированы. Мой отец вернулся домой, но не захотел восстановиться в партии и работать на прежних должностях. «Партия не защитила меня, когда я в этом нуждался», – ответил он партийным работникам, которые ему это предлагали. С тех пор он больше не сказал ни единого слова о партии – ни худого, ни доброго.

Мне повезло, что моя семья была любящей и сплоченной. И отец, и мать были людьми образованными и порядочными, они не понимали, как можно делать низости, и воспитали нас в том же духе. Мы безмерно уважали родителей, обращались к ним на Вы. Я никогда бы не смог сказать «ты» моему отцу! И, главное, у нас в семье царил мир. Если возникали какие-то проблемы, мы обсуждали и решали их спокойно, по-дружески. Так как семья была большая, а жизнь нелегкая, все помогали родителям, как могли: брат летом работал вожаком в пионерском лагере, другие дети также подрабатывали. Кроме того, мы жили в деревне и держали скот и птицу, возделывали огород, чтобы иметь свою картошку и другие овощи. В то время мало у кого была возможность покупать книги, но папа подписался на «Роман-газету», выходившее дважды в месяц периодическое издание, где печатались романы с продолжением; он читал нам по вечерам вслух, а потом мы обсуждали эти произведения. В пять лет я уже умел читать и записался в районную библиотеку; думаю, что был там самым юным читателем. Позднее я начал собирать собственную библиотеку: Дюма, Джек Лондон, Толстой, Новиков-Прибой, Беляев – всё, что удавалось раздобыть. К сожалению, провинциальные книжные магазины снабжались очень плохо.

После возвращения из лагеря отец стал главным бухгалтером в одном из подразделений Всесоюзного объединения по заготовке скота, а мама перешла работать на речную пристань. Папа часто брал меня с собой в командировки – вот так я познакомился с обычаями казахов и их замечательным гостеприимством. Мой отец хорошо знал казахский язык и обычаи страны – может быть, по этой причине нас всегда принимали очень радушно. Казахские скотоводы хранили свои традиции: большие патриархальные семьи, глубокое почтение к старикам, традиционный, умеренный ислам. Казахские женщины, с большим уважением относящиеся к своим мужьям и преданные своим семьям, были все-таки гораздо более раскрепощенными, чем их узбекские, туркменские или таджикские сестры и, в отличие от тех (я говорю прежде всего о пожилых женщинах), не носили хиджабы.

Позднее, когда Заготскот был ликвидирован, отец поступил на работу на маслодельный завод, где проработал до пенсии. Но воспользоваться этой пенсией он не успел, так как скончался в возрасте 66 лет – боевые раны и пребывание в лагерях подорвали его здоровье.

Я вовсе не роппу на судьбу. Один дед эмигрировал, другой расстрелян, отец в ходе чисток попал в тюрьму – что может быть обычнее, даже банальнее в трагической истории советских людей? Скорее, можно порадоваться, что ни обе мои бабушки, ни моя мать не разделили участь десятков тысяч других женщин, отправленных в ГУЛАГ в качестве «жен врагов народа», и что их дети не попали в приюты или лагеря для малолеток. И конечно, нужно быть благодарным судьбе, что мой отец остался в живых на войне, унесшей более двадцати миллионов жизней...

Трагическая история казахов

Разоблачения Никитой Хрущевым на XX съезде КПСС сталинских преступлений лишь немного приподняли непроницаемый занавес лжи и не-

домолвок в истории моей страны. Нужно было дождаться Перестройки и начала посткоммунистической эпохи, чтобы была раскрыта вся правда. Ибо история советского Казахстана особенно трагична, даже в сравнении с судьбой других советских республик.

В XVII в. русские казаки, поселившиеся в Сибири, начали колонизировать Казахстан, населенный в то время кочевыми племенами, принадлежавшими к казахской и киргизской народностям и образующими различные ханства. В течение трех веков восстания местных ханов подавлялись, места зимовок умышленно разрушались и заселялись русскими крестьянами. Только с 1906 по 1912 годы 500 тысяч крестьянских семей переехали в Казахстан из центральных областей России, тогда как казахи и киргизы были изгнаны с плодородных степных земель.

После Октябрьской революции народы Средней Азии надеялись, что для них наступила новая эра, что они освободятся от колониального ига. Но автономии, провозглашенные местными жителями под руководством меньшевиков, были подавлены Красной армией, а их лидеры в начале 1920-х годов расстреляны. Так открылась новая мрачная страница в истории региона. На протяжении 1920-х и до середины 1930-х годов Сталин активно перекраивал территории для создания среднеазиатских республик. Не желая, чтобы те стали мононациональными, он устраивал искусственные границы – история показала, что это смешение народов, зачастую враждебных друг другу, было настоящей бомбой замедленного действия. В качестве союзной республики Казахстан был создан только в 1936 году, однако его границы почти тридцать лет спустя сузил взбалмошный Хрущев. Он сделал Украине «подарок» в виде российского Крыма, часть казахстанской территории была «подарена» Российской Федерации, а две казахстанские области – Узбекистану.

При президенте Викторе Ющенко Украина сумела привлечь внимание всего мира к тра-

гедии Голодомора, искусственного голода, устроенного Сталиным в 1932–1933 годах, чтобы сокрушить сопротивление украинских крестьян принудительной коллективизации. Между тем мало кто знает о сходной трагедии казахского населения, уже и без того сильно поредевшего от чудовищного голода 1919–1922 годов, который унес почти миллион жизней. Поскольку невозможно было создать колхозы из скотоводов-кочевников, советская власть принуждала их переходить к оседлости. Эта резкая перемена образа жизни привела к массовой эпизоотии скота, в то время как мясо – основной продукт питания кочевых животноводов. За полтора года более полутора миллионов казахов умерли с голоду и сотни тысяч убежали в Китай. Согласно переписи 1939 года, в стране оставалось только 3,1 миллиона представителей ее коренного этноса.

Сталин ухитрился еще больше разбавить местное население, отправив в Казахстан миллионы ссыльных. Казахстанские степи, которые занимают почти половину территории страны, отличает суровый континентальный климат: столбик термометра может опускаться зимой до минус 50 градусов, а летом подниматься до 50 градусов жары. Это сюда с 1936 по 1944 годы прибыли целые народы, объявленные «опасными» и «преступными» и депортированные по приказу Сталина: поляки, корейцы, немцы Поволжья, греки, крымские татары, множество кавказских народностей, в том числе чеченцы и ингуши. Все они были оставлены на произвол судьбы в контролируемых зонах; людям пришлось самим строить себе жилища и возделывать малопродуктивные земли, чтобы выжить (половина депортированных погибли на казахстанской земле). Одновременно с этим в Казахстан привезли миллионы заключенных из переполненных сибирских лагерей. Названия зловещих шупалец тюремной системы, такие как АЛЖИР (Акмолинский лагерь для жен изменников родины), Карлаг и Степлаг, увековечены Александром Солженицыным в книге «Архипелаг ГУЛАГ». Так Казахстан превратился в пе-

чальный советский интернационал сосланных и угнетенных Сталиным народов.

Новый этап колонизации связан с именем Никиты Хрущева. Поскольку колхозное сельское хозяйство оставалось малопродуктивным, Хрущев решил освоить миллионы гектаров целины в казахстанских степях, чтобы увеличить урожай пшеницы и сократить закупки зерна за границей. Подъем целины был объявлен «комсомольской стройкой», и миллионы молодых людей, главным образом из трех славянских республик – России, Украины и Белоруссии, были мобилизованы на строительные и полевые работы. Если студенты прибывали только на два-три месяца, на время летних каникул, то более миллиона славян, соблазненных хорошими зарплатами, окончательно поселились в Казахстане. В 1959 году всего 30% из 9,3 миллиона жителей страны были этническими казахами.

Языковая политика также была недружественной по отношению к казахам. Когда по окончании гражданской войны проводилась ликвидация неграмотности, традиционный арабский алфавит был заменен на латинский (в 1929 году), а в 1940 году на смену ему пришла кириллица. Казахам, таким образом, лишили доступа и к собственной классической литературе, и к литературе других тюркских народов, и к Корану. Мало-помалу казахское население, сильно разбавленное, в значительной мере утратило как свою национальную идентичность, так и язык. В 1957 году в тогдашней столице, Алматы, оставалась лишь одна школа с обучением на казахском языке, а на всю страну был только один институт, где преподавание велось на казахском, – педагогический, в котором готовили учителей начальных школ для сельской местности.

Проклятие военно-промышленного комплекса

Такая ползучая советская колонизация под прикрытием лозунга о «дружбе народов», объясняется в первую очередь необычайным богатством казах-

станской земли. Газ и нефть, уран и цинк, титан и хром, золото и медь, серебро и молибден – трудно найти такой элемент в таблице Менделеева, которого бы здесь не было. Гигантская по своему размаху индустриализация страны, предпринятая в 1930-е годы, получила новый импульс во время Второй мировой войны, когда сотни крупных заводов были эвакуированы в Казахстан с европейских территорий Советского Союза, часть которых была оккупирована Германией. Благодаря рабскому труду миллионов заключенных и депортированных были выстроены города и рабочие поселки, заводы и шахты, дороги и мосты. Буквально за двадцать лет моя страна стала сырьевым придатком огромного военно-промышленного комплекса СССР.

После войны Сталин решил создать в моей стране, к югу от реки Иртыш, Семипалатинский ядерный полигон (18 тыс. кв. км) для ядерных испытаний. Здесь 29 августа 1949 года были проведены испытания первой советской атомной бомбы, затем, в 1953 году, – первой термоядерной. Весь этот район подвергся серьезному заражению, так как ядерные заряды, взорванные под землей и в воздухе между 1949 и 1953 годами, в две с половиной тысячи раз превосходили по мощности бомбу, сброшенную на Хиросиму. Тяжкие последствия этих взрывов для здоровья людей никогда не были признаны официально, в то время как сотни тысяч казахстанцев были поражены раком, а пороки развития среди новорожденных стали обычным делом. Можно утверждать, что генофонду местного населения нанесен вред на сотни лет вперед.

Советский военно-промышленный комплекс воспользовался стратегическим положением казахстанских степей, чтобы построить там и другие крупные военные объекты. Так, военный полигон Байконур, первоначально предназначенный для испытаний баллистических ракет, в том числе межконтинентальных, стал первым космодромом планеты. В Казахстане были построены многие военные базы и аэродромы, а в закрытом городе Степногорске, не значащемся на географических

картах, возведены два комбината, где производили обогащенный уран и бактериологическое оружие. Секретные испытания бактериологического оружия, запрещенного международными конвенциями, проводились с 1942 по 1992 годы, то есть в течение полувека, на острове Возрождения (какая ирония судьбы!) в Аральском море.

Бездумная милитаризация привела и к пагубным экологическим последствиям. Для оснащения Советской армии межконтинентальными баллистическими ракетами необходимо было резко увеличить производство хлопка, важной составляющей топлива этих ракет. Однако этого нельзя было добиться без интенсивного орошения полей Южного Казахстана и Узбекистана, где хлопок стал монокультурой в ущерб жизненным интересам двух этих стран. Для нужд орошения стали забирать практически всю воду двух рек, Сыр-Дарьи и Аму-Дарьи, впадающих в Аральское море. За двадцать лет большая часть этого внутреннего моря, некогда одного из самых больших озер мира, превратилась в пустынную землю³, пострадала и огромная территория вокруг высохшего озера. Мало того что здесь больше нет ни судоходства, ни рыбной ловли, так еще и пестициды и другие токсические вещества, в прошлом скапливавшиеся на глубине, превратились в пыль, которую песчаные бури переносят за сотни километров от озера. Остров Возрождения соединился теперь с берегом, и никто не знает, не заразятся ли рано или поздно местные грызуны зарытыми в земле бациллами серьезных болезней, таких как сибирская язва, чума, мальтийская лихорадка, ботулизм и т.д. Остается лишь молиться, чтобы этот катастрофический сценарий не воплотился в жизнь. Во всяком случае, климат региона стал еще более континентальным, многие виды растений и животных исчезли, население страдает одновременно и от безработицы, и от тяжелейших проблем со здоровьем, включая пороки развития у новорожденных и повышенную детскую смертность. Десять лет назад казахский писатель Абди-

³ Новая пустыня называется Аралкум.

жамил Нурпеисов посвятил этой трагедии роман-диологию «Последний долг».

Юность

Обо всем этом я узнал гораздо позже. В юности я имел смутное представление об истории моей страны и состоянии ее природного наследия. В 1964 году, в возрасте шестнадцати лет, я закончил восемь классов, и на семейном совете было решено послать меня в техникум, чтобы я с юных лет мог быстро получить интересную профессию. Я выбрал техникум в Усть-Каменогорске, успешно выдержал вступительные экзамены и стал изучать автоматизацию промышленных поточных линий. Я учился с удовольствием, но за полгода до окончания техникума случилась история, которая поломала мои планы.

31 декабря 1967 года. Я отмечаю Новый год с друзьями в общежитии. Решили сделать фотографию на память. Я постучал в дверь к соседу, чтобы одолжить у него фотоаппарат, но он отказал мне и грубо обругал. Я разозлился и ударил его. А поскольку я занимался боксом, удар получился довольно сильным. Дело кончилось тем, что парень пошел жаловаться в дирекцию, и мне досталось. Несмотря на то, что я был очень хорошим учеником, меня исключили из техникума, и я лишился отсрочки от военной службы, которую предоставляли учащимся. Так что я на два года попал в армию и только после этого смог восстановиться и окончить учебу.

В январе 1968 года я был призван на военную службу. Мои родители были этим сильно расстроены. Я вспоминаю, что по случаю моего отъезда отец купил бутылку вина и мы вместе выпили, я – первый раз в жизни. Моя служба в рядах Советской армии проходила сначала в Иркутске, потом в Красноярске, затем я был переведен в Томскую область, в ракетные войска. Я служил в секретной части, территория которой была окружена забором с колючей проволокой, в глубокой тайге. Зима 1967–1968 годов была самой холодной за сто

двадцать пять лет, температура опускалась до 52 градусов ниже нуля. Из старых шинелей мы шили себе маски, в которых вырезали только отверстия для глаз. Я вспоминаю свой первый караул: патруль продвигался в полной темноте, снег скрипел под сапогами, и вдруг раздался ужасный треск, по звуку напоминавший выстрел, – это из-за мороза по всей длине сломалась береза. В то время вся молодежь обожала шпионские романы, и я не был исключением. В начале моей службы я во все это верил, и теперь изо всех сил всматривался в темноту – не спрятался ли за деревом шпион, решивший проникнуть на территорию нашей базы...

Расскажу об эпизоде, показывающем, насколько мы были оболванены пропагандой. Это было во время конфликта между СССР и Китаем из-за острова Даманский (по-китайски – Женьбао), находящегося на реке Уссури, на российско-китайской границе. В нашу часть привезли солдата, потерявшего руку в битве за Даманский, «героя», который нам долго рассказывал об этой эпопее. Внезапно нам велели построиться, и командир сказал: «Кто желает поехать на Даманский, шаг вперед!». Все молча шагнули вперед. Мне только исполнилось девятнадцать лет, но я был готов сражаться против китайцев и даже умереть за этот кусок земли площадью меньше квадратного километра! К счастью, это была лишь проверка на прочность наших моральных устоев. Мы принадлежали к специальному подразделению, и наше присутствие здесь было необходимо, чтобы охранять в высшей степени секретный комплекс – расположенный в 12 км от Томска закрытый город Томск-7, где находились комбинаты по производству обогащенного урана, оружейного плутония и тяжелой воды, а также были размещены противоракетные установки. Этот город под именем Северск и комбинаты, построенные в 1930-х годах заключенными ГУЛАГа, существуют и по сей день.

По прибытии в полк я не избежал встреч с дедовщиной, но благодаря моему боксерскому опыту мне удалось быстро внушить «старикам» уважение к себе. Однако мой вспыльчивый

характер снова сыграл со мной злую шутку. В ходе стычки между двумя командами во время волейбольного матча, один сержант из команды соперника, нарушившей правила игры, обозвал меня «придурком». Я потребовал извинений, а когда он отказался это сделать, ударил его по лицу. Парень свалился на землю, и пришлось везти его в больницу. Я совершил поступок, противоречащий армейскому уставу: рядовой ни в коем случае не может ударить старшего по званию. За это «злодеяние» я мог загреметь на три года в дисциплинарный батальон. К счастью, командир полка решил не передавать это дело в военный трибунал: пострадавший сержант был настоящей скотиной, и все это знали. Это послужило мне уроком: раз и навсегда я научился контролировать свои эмоции.

После возвращения домой в 1969 году я закончил техникум, защитив на отлично дипломный проект. В качестве награды меня направили на работу на Алматинскую ТЭЦ, построенную в 1935 году. Работая на станции (сначала наладчиком автоматических систем, а затем мастером), я поступил на вечернее отделение университета. В 1977 году я получил диплом о высшем образовании с отличием, что позволило мне быстро продвигаться по служебной лестнице: в свои 29 лет я был назначен на должность начальника турбинного цеха. Как и повсюду, на станции эксплуатировалось устаревшее оборудование, но люди работали не щадя сил: руководство навязывало нам очень тяжелые условия труда и насаждало потогонную систему. Это было нормой для энергетиков всего Советского Союза.

Однако продвижение по службе никак не помогало в решении самой большой моей проблемы: жилья. Когда я приехал в Алматы, мне предоставили место в рабочем общежитии, где я обосновался вместе с женой, с которой познакомился в техникуме. Даже рождение двух дочек, в 1971 и в 1975 годах, ничего не изменило. У нас была единственная комната в общежитии для семейных, где еще десяток семей делили с нами кухню и туалет.

История, благодаря которой я получил квартиру, иллюстрирует общее состояние промышленности и инфраструктуры в конце советской эпохи. В ночь с 4 на 5 февраля 1984 года в моем цехе произошел разрыв трубопровода горячей воды. Примчавшись туда, я увидел машину скорой помощи: кто-то уже получил сильные ожоги и нуждался в экстренном медицинском вмешательстве. Я быстро надел болотные сапоги и бросился в цех. Я оставался там четыре часа, организуя работы по замене аварийного участка трубопровода. Болотные сапоги не помогли: меня еле удалось спасти. На рассвете меня привезли в госпиталь в ужасном состоянии: я был обожжен от пояса до ступней, сапоги и брюки с меня снимали вместе с кожей.

В реанимации на мое выживание не возлагали больших надежд: 43 % кожного покрова были серьезно обожжены. Мне повезло: моим лечением занимался доктор медицинских наук, профессор К. А. Пальгов, известный травматолог. После недолгого пребывания в реанимации мне прописали шесть сеансов «барокамеры». Больного помещают в стеклянный скафандр, куда под давлением накачивают кислород, который проникает в ткани, препятствует их некрозу и способствует заживлению. Первые пять сеансов прошли нормально, но во время шестого у меня появились галлюцинации: мне казалось, что я окружен пламенем и дымом. А когда меня перевезли в палату, начался приступ тахикардии и наступила клиническая смерть. Вот тогда я увидел себя снаружи, в туннеле, в окружении людей, одетых в полупрозрачные серые одежды, с лицами пепельного цвета. Затем неведомая сила оторвала меня от этой процессии мертвецов и перенесла в мирный пейзаж: лазурь реки, зеленые лужайки, на которых пасется скот, люди, одетые в белые одежды. Я хотел заговорить с ними, но они меня не понимали. Хотел подойти к столу, где сидел человек с нимбом над головой, но они помешали мне приблизиться к нему. Внезапно я почувствовал острое желание увидеть свою родную деревню, Предгорное. И вот я уже там, я вижу

свой поселок, свой дом, свою семью вокруг стола. Но внутренний голос мне говорит, что нужно вернуться в больницу...

Эти видения, которые в научной литературе носят название «опыт неминуемой смерти», были самым сильным впечатлением моей жизни, чем-то вроде «полета в небесах». К этому моменту мне уже удалили часть омертвевших тканей на пятках, и некроз грозил затронуть кость. Но после этого чуда я начал быстро поправляться, хотя полное выздоровление заняло девять месяцев. И тогда случилось другое чудо: авария на работе, которая чуть не стоила мне жизни, дала мне то, чего я так долго ждал: мэр Алматы дал распоряжение предоставить мне первую освободившуюся квартиру.

Вспоминая советское время, я отдаю себе отчет в том, как тяжело все мы жили. Но мы были воспитаны в духе гордости за свою великую Родину, Советский Союз, и за нашу республику, Казахстан. Нужно сказать, что первый секретарь компартии Казахстана Динмухамед Кунаев, человек образованный и незаурядный, пользовался у нас большим авторитетом. Назначенный в 1964 году, он сумел за два десятка лет удвоить промышленный потенциал Казахстана, главным образом благодаря личной дружбе с Леонидом Брежневым: первые секретари союзных республик боролись за то, чтобы добиться благоприятных решений центра и постоянно соревновались между собой. Особенно очевидным было соревнование между Кунаевым и Рашидовым, первым секретарем компартии Узбекистана. Каждый старался превратить свою столицу в самый красивый город Средней Азии. К концу 1960-х годов Ташкент, казалось, побеждал: сильнейшее землетрясение 1966 года разрушило старые саманные домишки, и город был полностью перестроен. Но, когда в Ташкенте открыли метро, Кунаев добился от Брежнева согласия построить метро и в Алматы. Затем была воздвигнута очень высокая телебашня на горе Кок-Тюбе, в Алматы, и быстренько такую же возвели в Ташкенте. Словом, дух соревнования придавал динамизм развитию обоих городов...

Жители Алматы особенно восхищались Кунаевым, поскольку он модернизировал город и превратил его в настоящую жемчужину Средней Азии, самый приятный для жизни город Казахстана. Впервые я увидел Алматы в 1968 году: наша часть возвращалась в Томск после боевых стрельб на ракетном полигоне возле озера Балхаш. Поезд из теплушек, в котором нас везли, долго стоял на путях неподалеку от Алматы, и я был поражен видом этого города, словно вскарабкавшегося на холмы у подножия массива Заилийского Алатау. Был конец июля, и повсюду яблони были усыпаны большими яблоками. Когда ночью поезд тронулся, я прильнул к окошку, зачарованный гигантским конусом города с огнями, мерцающими на фоне темных гор. Мне казалось, что это мираж.

Когда я познакомился с этим городом два года спустя, окончательно туда переселившись, на меня произвели большое впечатление прямоугольная сеть его улиц и оригинальная архитектура. Любовь к Алматы вошла в мое сердце навсегда. С этим городом связана важная часть моей жизни. Приехав сюда простым наладчиком, мог ли я думать, что когда-нибудь стану мэром столицы?